

ЕКАТЕРИНБУРГ ГЕНЕРАЛА ГЕННИНА: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ «ГОРОДСКОГО ТЕКСТА»*

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

GENERAL HENNING'S YEKATERINBURG: AN ATTEMPT AT READING THE "URBAN TEXT"***

Dmitry Redin

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The author of this article attempts a semiotic interpretation of the features of the architectural and planning system of early Yekaterinburg (1723–1734). The method is based on an improvisation on Michel de Certeau's ideas about the city as a complex text, which results from the simultaneous and inconsistent creativity of its founders and administrators on the one hand and ordinary people on the other. Another source for the author's improvisation is the ideas of some representatives of the French school of genetic criticism, more particularly, the concepts of avant-text and text. From these positions, the author considers the activity of V. I. Henning (Rus. transcription: Gennin), the founder and first head of Yekaterinburg and a general in Russian service. The main milestones of his career, the accumulation of experience as an engineer and administrator, and the formation of a worldview before his Ural period are evaluated as work on the avant-text, while Yekaterinburg becomes the actual text. The author proves that Yekaterinburg was created by Henning not just as a large mining and metallurgical enterprise. General Henning's Yekaterinburg appears as a manifesto city, a material text that embodies the aesthetics of the Baroque and the postulates of cameralism in its layout and execution. The city became a symbol of Petrine empire building on the border with Russia's Asian possessions.

Keywords: Georg Wilhelm (Vilim Ivanovich) Henning, Peter I, Yekaterinburg, St Petersburg, Baroque, cameralism, architectural and spatial organisation

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20–18–00233 «Екатеринбург в 1733 г.: историко-антропологическая и архитектурно-пространственная реконструкция».

** *Citation:* Redin, D. (2021). General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text". In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 3. P. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

Цитирование: Redin D. General Henning's Yekaterinburg: An Attempt at Reading the "Urban Text" // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 3. P. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626 / Редин Д. Екатеринбург генерала Геннина: опыт прочтения «городского текста» // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 3. С. 1042–1063. DOI 10.15826/qr.2021.3.626.

Представлен опыт семиотической интерпретации особенностей архитектурно-планировочной системы раннего Екатеринбурга (1723–1734). В основе метода – импровизации на тему идей Мишеля де Серто о городе как сложном тексте, который является результатом одновременного и несовпадающего творчества его создателей и администраторов, с одной стороны, и простых обывателей, с другой. Еще одним источником авторской импровизации служат представления некоторых представителей французской школы генетической критики, в частности, понятия авантекста и текста. С этих позиций рассматривается деятельность строителя и первого руководителя Екатеринбурга, генерала русской службы В. И. Геннина. Основные вехи его карьеры, накопление опыта инженера и администратора, формирование мировоззрения до уральского периода жизни оцениваются как работа над авантекстом, а собственно текстом (метафорическим и буквальным – невербальным текстом) становится основанный им Екатеринбург. Автор доказывает, что Екатеринбург создавался Генниным не просто как крупный универсальный горно-металлургический комбинат. Екатеринбург генерала Геннина предстает городом-манифестом, материальным текстом, воплотившим в своей планировке и технике исполнения эстетику барокко, постулаты камерализма. Город стал символом имперского созидания эпохи Петра Великого на границе азиатских владений России.

Ключевые слова: Георг Вильгельм (Вилим Иванович) Геннин, Петр I, Екатеринбург, Санкт-Петербург, барокко, камерализм, архитектурно-пространственная организация

Несколько слов о методе

Город – сложный феномен. Попытка понять его как целое приводит к отчаянию. Привычное для историка словосочетание «историография города» превращается в неразрешимую задачу при первом усилии эту самую «историографию» написать. Город как физический объект? Как архитектурно-планировочное пространство? Город как центр экономической силы, средоточие производства и обмена? Город как гетерогенная социальная общность? Как политическая и административная доминанта? Как система внутренних и внешних коммуникаций (во всем богатстве этого понятия)? Да, это все город в его социокультурном многообразии и целостности, объект исследовательского интереса архитекторов, историков, социологов, антропологов, культурологов, изменчивый во времени и пространстве, имеющий массу национальных и локальных особенностей. Возможные пути к достижению междисциплинарной интеграции, выработке удовлетворительных аналитических инструментов, а в конечном итоге – целостного понимания города, в том числе в исторической ретроспективе, дают новейшие подходы, определяющие предметные поля антропологии города.

Одним из продуктивных (хотя, конечно, не единственных) представляется подход Мишеля де Серто, сформулированный им в одном из самых известных трудов – «Изобретение повседневности». Предлагая рассматривать город как текст, ученый тем самым указал, по сути, семиотическое решение проблемы. С одной стороны, это дает в руки исследователя-гуманитария разнообразный отточенный семиотический инструментарий, отнюдь не сводящийся собственно к концепции де Серто, а, с другой, семиотическое понимание города придает ему искомую объектную целостность.

Город-текст – лишь на первый взгляд метафора. Если понимать под текстом любую связную и полную последовательность символов, несущую смысловую нагрузку, обладающую замыслом, структурой, завершенностью, то город оказывается невербальным текстом в буквальном смысле слова. Городская планировка, ландшафт, застройка, городские обитатели в системе разнообразных иерархий и коммуникаций действительно становятся текстом, который при всех сложностях может быть прочтен, а значит, в потенциале понят. Отношение к городу как к тексту, принятое на вооружение историка, позволяет связать в системное единство материальную и нематериальную составляющие городской жизни, преодолев, между прочим, недооцененность архитектуры как исторического источника¹.

Впрочем, любая теория имеет смысл, если она рано или поздно оказывается пригодной к практическому применению. Возвращаясь к Мишелю де Серто, замечу, что его идеи в первую очередь всплыли в моей памяти, когда я стал работать с источниками, оставшимися от первых лет существования Екатеринбурга. Этот по счастью хорошо документированный период в истории города – от его постройки до первого десятилетнего юбилея – как будто был создан для прочтения по системе де Серто. Возникший в соответствии с четким планом своего строителя генерала В. И. Геннина, этот город-текст был написан разборчивым крупным почерком линейной планировки и утилитарной предзаданности инфраструктуры. Персонажи этого текста действовали в рамках типовых амплу уставов и регламентов подобно маскам комедии дель арте, а главы этого текста отбивались барабанным боем в такт производственного ритма фабрик Екатеринбургского завода. Но и комедия дель арте при всем своем сюжетном схематизме – импровизация, а люди всегда остаются людьми, склонными так или иначе ускользать из-под жесткой регламентации. Стратегии власти противостоят тактика личности, и «в ясный текст спланированного и читаемого города проникает таким образом город кочующий и метафорический» [де Серто, с. 188].

¹ В качестве редкого отечественного образца гармоничного использования архитектурных и письменных источников в реконструкции и интерпретации истории русского провинциального города см. монографию о Переславле-Залесском XVII в. [Кузнецов, Новохатко, Шахов].

Авантекст

Кто внес большой вклад в основание Екатеринбурга, Василий Татищев или Вилим Геннин, – вопрос бесконечный, но строил его Геннин, а значит, автором первоначального текста был именно он. Обстоятельства жизни автора, без сомнения, важны для понимания его творчества, а «наряду с текстом, а также прежде, чем он возникает, существует совокупность “черновых материалов”, собранных, созданных, а иногда сохраняемых автором» [де Биаззи, с. 58], – то что в рамках генетической критики принято называть авантекстом. Чтобы «прочитать» Екатеринбург Вилима Геннина, необходимо вкратце остановиться на этих вещах.

Реконструировать авантекст «екатеринбургского текста» непросто, прежде всего потому, что биография его творца, особенно в «дорусский» период, еще очень далека от исчерпывающей полноты. Что послужило отправной точкой на пути превращения зигенского литейщика в создателя образцового города на рубежах Азиатской России, сказать трудно. В своем прошении о вступлении в российскую службу в 1698 г. будущий строитель Екатеринбурга среди разных своих достоинств в первую очередь указал, что «несколько лет обучался и... основательно разумеет архитектуру гражданскую, домов строение» [цит. по: Серов, с. 804]. Где и каким образом Георг Вильгельм мог «уразуметь» гражданскую архитектуру, на сегодняшний момент установить не удалось: систематического образования он не получил по бедности семьи. Не исключено, что могло иметь место практическое обучение у каких-то мастеров, как предположил Д. О. Серов [Там же, с. 805], но о юном Геннине-архитекторе сведений не выявлено. Впрочем, в данном случае не столь важно наличие или отсутствие у нашего героя исходных профессиональных познаний в сфере архитектуры; важнее понять, как формировались взгляды Геннина на понимание города как явления. Это, на мой взгляд, имеет принципиальное значение в контексте проблематики статьи: Екатеринбург, который он построил, обладал такой завершенной композиционной цельностью, которая предполагала наличие у его создателя определенного концептуального видения того, что должно было получиться в итоге.

Известно, что архитектура есть не просто набор технических знаний и навыков. Она выражает определенные мировоззренческие тренды своего времени, не сводимые только лишь к диктату моды или смене эстетических предпочтений, а функциональность архитектурных объектов редко предстает в чистом виде, неся одновременно глубокую общефилософскую нагрузку. Эпоха барокко, современником которой был Геннин, отличалась, как известно, большими концептуальными новациями в самом подходе к пространственно-архитектурному решению городской застройки. Планировочная структура города, впервые опробованная в Риме, сформировала принципы «архитектурной организации... как репрезентативного целого; единство города строилось на его выразительном раскрытии... по приведенным в стройную систему его главным планировочным осям», трактуя «пространство в ансамбле как сердцеви-

ну большого градостроительного организма, все части которого связаны единством тектонического закона целого» [Всеобщая история архитектуры, т. 7, с. 18, 29]. Разумное планирование архитектурного пространства подразумевало рациональное проектирование функциональных зон городской застройки. К последней трети XVII в. эти принципы широко распространились во всей Европе. Хотя Рим и Париж оставались законодателями градостроительных новаций, они, по-своему модифицированные, нашли благодатную почву и на севере субконтинента. Например, в зонированном плане новой части Амстердама Д. Стальпарта (1667) строгая геометрическая ясность кварталов была неразрывно связана с социальной зонированностью: в них отводились специальные места для общественной и жилой застройки городского патрициата, представителей средних слоев, ремесленников [Там же, с. 442].

Насколько все это могло наложить отпечаток на Георга Вильгельма Геннина? Его детство и юность прошли в стороне от больших городов, бывших на острие градостроительных новаций, но его близкий семейный круг являл собой плотную интеллектуальную среду, в которой, вероятно, формировались базовые эстетические и мировоззренческие основы будущего генерала русской службы. Его дед Конрад, человек с университетским образованием, «был священником в Дилленбурге, затем в Зигене, а впоследствии придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в Ганау» [Серов, с. 804]. Дядя нашего героя Генрих, доктор медицины, выпускник Утрехтского университета, после ряда служебных перемещений последние 14 лет жизни занимал пост ординарного профессора университета Дуйсбурга. Его брат, отец Георга Вильгельма Иоганн Геннин, видимо, не сумел пройти полный курс обучения (обучался философии в академии Ганау) по причине стесненных материальных условий, но получил хорошую административную и артиллерийскую практику [Там же]. Конечно, само по себе наличие образованных родственников не является гарантией учености индивида – важно общение. Оно у Георга Вильгельма, очевидно, было. Есть веские основания предполагать, что детские годы он провел в доме деда в Ганау (Ханау, Hanau), в городе, который им «воспринимался... субъективно в качестве родного» [Там же]. Возможно, что и с дядей-профессором Геннина-младшего связывало многое. И. И. Голиков, автор знаменитых «Деяний Петра Великого», сообщая об обстоятельствах найма Г. В. Геннина в русскую службу, заметил, что он, «яко сирота, был рекомендован опекуном его профессором Гинингом чрез амстердамского бургомистра г. Витсена» [Голиков, т. 8, с. 92]. В этом сообщении, содержащем фактические неточности вроде указания на «сиротство» Геннина², интересна роль в его судьбе «опекуна профессора Гининга»,

² Отец Г. В. Геннина прожил до 1725 г., на что в свое время указал первый биограф генерала В. Н. Берх; в конце 1710-х гг. Иоганн Геннин состоял на русской службе в звании майора артиллерии, что имеет документальное подтверждение [Берх, кн. 1, с. 52, кн. 2, с. 118, 122].

которым не мог быть никто иной, как его дядя Генрих. Не исключено, что вследствие упоминавшейся бедности родителей Георга Вильгельма³ его дядя мог принимать деятельное участие в поддержке племянника, заботиться о его карьере и так или иначе общаться с ним.

Возможное влияние деда и дяди на раннее формирование взглядов будущего строителя Екатеринбурга могло носить мировоззренческую, в том числе и эстетическую направленность. В раннее Новое время университетское образование было гораздо универсальнее нынешнего, поэтому медик вполне мог быть одновременно физиком и философом, богослов – историком и естествоиспытателем, а изучение «семи свободных искусств» составляло основу учебного курса высшей школы. Не стоит забывать и о том, что отец нашего героя был артиллерийским офицером и мог передать сыну первоначальные познания в арифметике, геометрии, фортификации и чертежном деле. Все это вкуче проявило себя в дальнейшем, когда Георг Вильгельм оказался на русской службе.

После непродолжительного пребывания в Оружейной палате (1698–1701), в документах которой он, между прочим, назван «архитектурного дела иноземцем» [Описание, вып. 2, с. 466], Геннин попал на военную службу в качестве артиллерииста сначала в ведомство Приказа артиллерии, а с 1710 г. – в действующую армию. Это дало ему первые опыты практической реализации своих познаний в качестве архитектора-фортификатора. В литературе отмечается его участие в строительстве укреплений Новгорода и Гангута [Берх, кн. 1, с. 54–55; Новиков, с. 83], съемке плана Кексгольма во время осады его русскими войсками [Берх, кн. 1, с. 54, 69]⁴. В 1712 г. подполковник Вилим Иванович Геннин попробовал себя в промышленной архитектуре: по поручению Петра I он получил задание достроить в Санкт-Петербурге Литейный двор и пороховые заводы [Там же, с. 57], на практике ознакомившись с возведением крупных мазанковых сооружений фахверного типа. Принципиальным представляется то, что это строительство велось в контексте возведения образцового «регулярного» города – новой столицы России – вобравшего в себя передовые идеи архитектурной организации пространства городов Европы того времени. Надо полагать, что такого рода практика давала В. И. Геннину не только возможность совершенствования собственных технико-технологических навыков проектирования и строительства, но и не могла не наложить отпечаток на общее развитие концептуальных взглядов в области градостроения.

³ Известно, что Г. В. Геннин в юности вынужден был работать формовщиком в родном Зигене, куда, вероятно, по достижении им соответствующего возраста его семья переселилась из дома деда в Ганау [Серов, с. 805]. Да и сам Геннин, именовавшийся уже на русский манер Вилимом Ивановичем, писал в одном из писем гр. П. М. Апраксину 17 апреля 1716 г., что покинул отеческий дом в поисках счастья, от бедности: «И поехал я от него (отца. – Д. Р.) скуден, а ныне по милости царского величества и Вашего сиятельства я научен и выведен человеком знатным» [Берх, кн. 1, с. 125].

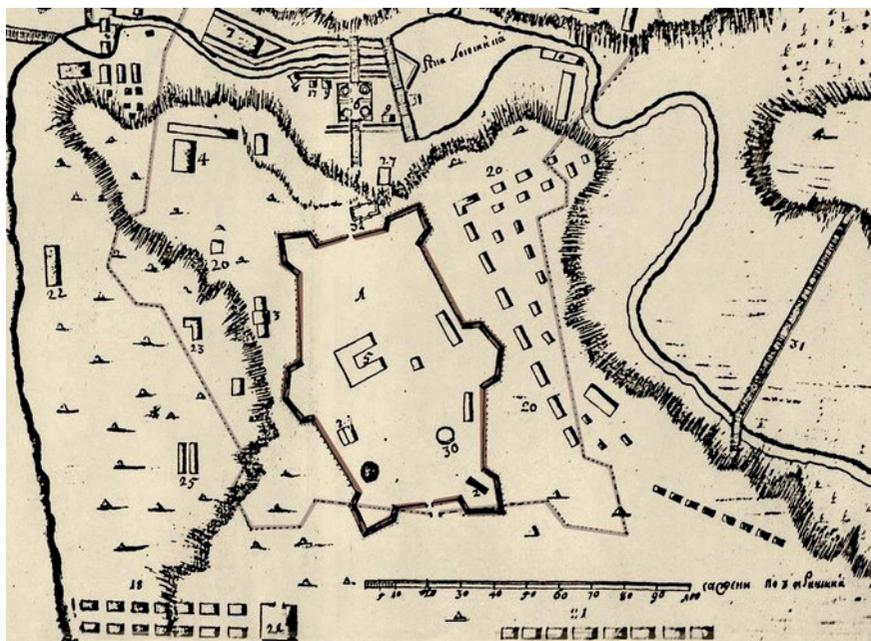
⁴ М. В. Пулькин ошибочно указывает на то, что «Геннин лично подготовил план новых кварталов города Кексгольма» в 1710 г. [Пулькин].

Следующим важным этапом не только карьеры, но и личностной эволюции Геннина, а в перспективе екатеринбургской темы – ключевым звеном «екатеринбургского авантекста», стала многолетняя служба в качестве коменданта Олонецкого уезда и начальника Олонецких Петровских заводов (1713–1722). Помимо главной цели – организации и расширения оружейного производства, В. И. Геннину довелось показать себя и управленцем, сосредоточившим в своих руках власть над обширным краем, и строителем многопрофильного архитектурного комплекса.

Петровский (бывший Шуйский) завод, ставший административным центром Олонецкого ведомства, был старейшим из заводов Олонецкой группы, начатый строением еще в 1703 г. Находясь долгое время в, по сути, прифронтовой зоне, он являл из себя новый тип горнозаводского поселения, сочетавшего в себе производственную, фортификационную, административную и жилую застройку, заводскую пристань, и отличался сложной социальной структурой. Для обеспечения основной деятельности на завод были стянуты не только крестьяне окрестных погостов, но и мастерские и работные люди из разных уголков России – от Воронежа, Курска и Тулы до Костромы и Каргополя [Пулькин]. Проживал на заводе и контингент иностранных мастеров, заметно пополнившийся в результате вербовки, осуществленной Генниным. Новому начальнику предстояло реконструировать имевшуюся инфраструктуру, одновременно заботясь и о бесперебойном изготовлении и отгрузке заводской продукции, и об организации жизни различных работников и солдат, условия труда и службы которых были ужасающими. С именем В. И. Геннина связано строительство новой «фортеции» Петровского завода (1712/1713 г.), ставшей композиционным центром поселения. Это была шестибастийная древоземляная крепость размером 100 на 80 сажений (213 на 170,4 м), рассчитанная, судя по единственному сохранившемуся чертежу М. Витвера (Wittwer), на то, чтобы нести довольно мощную артиллерию. Исследователь петровских укреплений М. Ю. Данков отмечает поразительное сходство заводской крепости с петербургским аналогом (разумеется, с учетом разницы в масштабе) [Данков, 2006; Данков, 2013].

Примечательна четкая зонированность заводского поселения. На плане Витвера указаны выстроенная «в линию» «слобода подле редута», мазанковые постройки «слободы мастерских изб», слободы «тульских и иных городов кузнецов», солдатская слобода [Данков, 2013, с. 9]. При этом названные жилые кварталы оказывались вне крепостных стен, как и собственно заводские сооружения («фабрики»), и ряд хозяйственных и складских построек. Внутри цитадели располагался лишь административный центр, включавший комендантский дом, дополнительно защищенный палисадом, каменный заводской архив, тюрьму, заводскую лабораторию, караульни, «оружейный ан-

бар», казенные амбары, провиантские и казенные лавки, а также «новоманерную» Петропавловскую церковь и часовую башню [Данков, 2013, с. 15]. Оценивая Олонецкий Петровский завод с архитектурной точки зрения и отмечая ряд новаций, использованных при его планировке и строительстве, можно сказать, что при этом он не являл собой пример единого объемно-планировочного решения, представляя совокупность пространственно обособленных, хотя функционально связанных комплексов. Это может быть объяснено прежде всего не просчетами планирования, а разновременностью создания заводского поселения, первоначально (в 1703–1710 гг.) имевшего общую линию наскоро сооруженных укреплений в виде рва и земляного вала⁵, утративших к моменту приезда Геннина свое значение. Разросшаяся площадь застройки (и производственной, и жилой) и ослабление военной угрозы к 1712 г., видимо, привели подполковника Геннина к решению отказаться от идеи строительства новой большой крепости, закрывавшей все объекты, и ограничиться строительством более мощной цитадели, защищавшей лишь административный комплекс завода (рис. 1).

1. План Олонецкого Петровского завода. Фрагмент. Крепость.
Чертеж М. Витвера. Не позднее 1722

Plan of the Olonets Petrine plant. Fragment. Fortress. Drawing by M. Witver.
From before 1722

⁵ Об этом свидетельствуют археологические раскопки и уже упоминавшийся чертеж М. Витвера, на котором старые укрепления отмечены пунктирной линией [Данков, 2006, с. 67–68; Данков, 2013, с. 9–10, 17].

Но Олонецкий Петровский завод, воздвигнутый под руководством нашего героя, интересен не только особенностями своего архитектурно-планировочного решения. Опыт управления крупным промышленным объектом и поселением при нем, несомненно, оказал серьезное влияние на развитие взглядов В. И. Геннина на проблемы системной организации объемно-пространственной и социальной среды. Развитие и усиление роли машинного (мануфактурного) производства имело для своего времени не только экономическое значение. Оно несло дискурсивный смысл, оказывало влияние на эволюцию представлений о сути общественных отношений, на формирование новых идей об организации механизмов власти и управления. «Искусство распределения индивидов в пространстве... контроль над деятельностью (распределение времени, функционализация и машинизация телесности индивида), организация генезисов (переподготовки, предшествующего развития), сложение сил (на основе разделения труда, узкой специализации и стандартизации базовых навыков и операций), нормализующие наказания... тотализация проверок и инспекций» [Литошенко, с. 291], – все то, что в эпоху раннего Нового времени стало выражаться в постулатах камерализма с их представлениями об обществе всеобщего блага, функционирующем подобно отлаженному часовому механизму, на практике входило в плоть и кровь В. И. Геннина, человека эпохи барокко⁶.

Не стоит недооценивать в этом отношении и круг общения Геннина в эти годы, в том числе и с Петром I. Помимо переписки, это были и личные встречи, возможные в бытность офицера в Петербурге, на строительстве Литейного двора, и документально подтвержденные, как, например, в январе 1719 г., когда царь, впервые посетивший открытые на Олонце минеральные («марциальные») воды, останавливался у Геннина на Кончезерском заводе [Берх, кн. 2, с. 151]. Примечательно, что именно в эти годы (с 1718) Петр очень плотно работал над созданием нового административного законодательства, основанного на глубоко и системно усвоенных монархом камералистских идеях. Какие-то сюжеты, связанные с этими идеями – не по строгому содержанию, но по духу, – вполне могли быть предметом бесед Петра I и Геннина. В 1719–1720 гг. полковник совершил длительную зарубежную командировку; согласно инструкции, он должен был посетить Германию, Францию и Италию. Кроме вербовки специалистов, ему была поставлена задача, «чтоб он в тех государствах и землях, коими проезжать будет и где есть горные заводы, снимал с них чертежи и делал модели разным машинам, замечал бы примечательным оком все, касающееся до сих

⁶ Способность к переносу представлений, полученных в области естественнонаучного (натурального) и технического знания, в сферу общественных отношений, ассоциативно-образное мышление, его метафоричность, вероятно, были качествами, вообще присущими интеллектуалам эпохи барокко с «характерной для него игрой смыслами и принципиальной метафоричностью» [Успенский, с. 174].

заводов и до учреждения оных» [Голиков, т. 8, с. 92]⁷. По возвращении из-за границы царским указом Геннину одновременно с управлением Олонецкими заводами было предписано начать строительство нового производства на р. Сестре. Это было строительство «с чистого листа», в процессе которого олонецкий комендант получил возможность в полной мере проявить все свои познания строителя, производственника и управленца. В письме к гр. П. М. Апраксину от 2 октября 1720 г. В. И. Геннин сообщал, что он готов ехать в Санкт-Петербург с *чертежом* Сестрорецкого завода [Берх, кн. 3, с. 120]. Было бы крайне интересно посмотреть, как выглядел замысел Геннина относительно планировки нового завода и поселения, но сестрорецкий чертеж либо не сохранился, либо до сих пор не выявлен. А между тем, служба Вилима Ивановича в Карелии шла к концу. В марте 1722 г. произведенному в генерал-майоры артиллерии Вилиму Геннину в высоком статусе личного царского эмиссара выпало ехать на Урал для расследования конфликта В. Н. Татищева с Н. Демидовым и для «исправления и размножения» местных заводов.

Все сказанное выше с фактологической точки зрения давно известно, но, как представляется, концептуально недоосмыслено. Складывая факты биографии Геннина до его приезда на Урал, авторы обычно подчеркивают (и справедливо) лишь одно: к этому моменту генерал обладал уникальным опытом в области горного дела. В этом отношении в России «просто не было более опытного и авторитетного администратора-практика, добившегося реальных результатов» [Корепанов, с. 17]. Что ж, это бесспорно. Но опытный плотник может всю жизнь оставаться просто опытным плотником. Опытный инженер всю жизнь может оставаться лишь опытным инженером. Такие не создают шедевров и не строят города будущего. Виртуозное владение ремеслом не обязательно превращает его обладателя в творца. Феномен Геннина заключался в том, что он был больше, чем просто опытный технический специалист. Из впечатлений детства, из практики решения конкретных задач, из ситуативных встреч, из увиденного и прочитанного выросло стройное целостное концептуальное отношение к жизни и службе, созвучное самым актуальным (иллюзорным или объективно обоснованным – другой вопрос) представлениям эпохи. Оно полностью выразилось в «екатеринбургском тексте».

Текст

О том, что Екатеринбург строился как самый мощный в России горно-металлургический завод, известно всем. Обычно с этим связывают и особенности его планировки, обусловленной спецификой

⁷ На основании известных мне документов складывается впечатление, что в действительности В. И. Геннин побывал во время этой командировки только в германских государствах – Бранденбурге, Саксонии, Гессен-Касселе, Гамбурге и в Голландии (в Амстердаме). Сведений о его пребывании во Франции и, тем более, в Италии обнаружить не удалось.

функционирования заводов XVIII в., чьи производственные мощности приводились в действие силой воды. Ключевое гидротехническое сооружение – плотина, перегораживавшая реку, вместе с последней задавало главные планировочные оси всей застройки. Таким образом, «завод представлял собой продуманный и разумно организованный комплекс основных и вспомогательных сооружений, размещенных компактно и в строгой зависимости от источника энергии – воды» [Козинец, с. 26]. Но, как справедливо писала Р. М. Лотарева, «подчиненные строгим правилам организации производства, ансамбли заводов всегда отличались оригинальностью» [Лотарева, с. 48]. Иными словами, технические и ландшафтные особенности места давали, тем не менее, возможность строителям заводов каждый раз по-своему, в зависимости от способностей, выстроить собственную систему архитектурно-пространственной и социально-антропологической организации, заложить собственные смыслы в создаваемый ими текст.

Геннин, приехав к месту будущего строительства, обладал значительным набором «черновых материалов» для создания нового «произведения». Едва ли будет ошибкой указать на то, что образцом для планировки города-завода на Исети стал первый «регулярный» город России, его молодая столица Санкт-Петербург, а опосредованно – Амстердам, постольку, поскольку регулярный центр Петербурга на Васильевском острове проектировался по инициативе Петра I по амстердамской схеме [Горбатенко, с. 176], которую генерал имел возможность увидеть своими глазами в подлиннике три года назад, посетив Амстердам. Подобно тому, как в Петербурге «самое широкое пространство Невы» становится «главным объединяющим элементом новой композиции города» [Станюкович-Денисова, с. 120], для Екатеринбурга таким объединяющим элементом стал городской пруд. Непосредственное значение при проектировании Екатеринбурга имели и олонецкие наработки. Со ссылкой на документы Берг-коллегии М. Ю. Данков отмечает, что для строительства Екатеринбурга использовались материалы Олонецкого Петровского завода, на основании которых были созданы «чертежи против маштапа», чтоб «могли в Сибири против того построить» [Данков, 2006, с. 67]. Напомню, что Петровская Олонецкая крепость сама была репликой Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости.

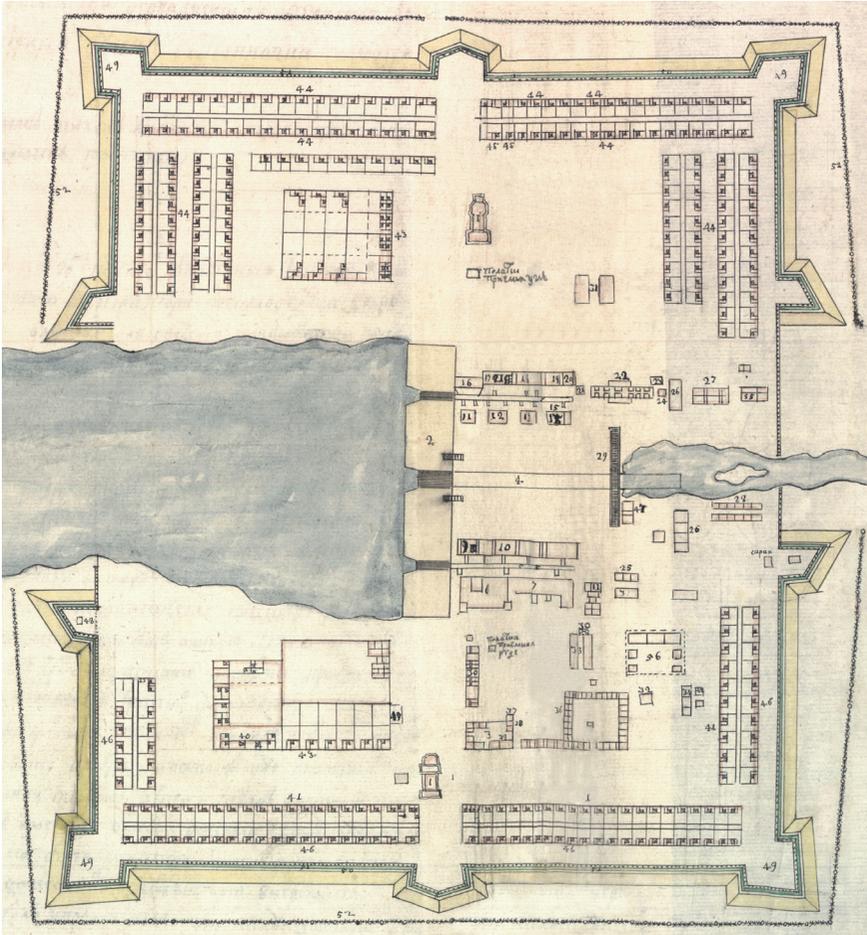
Тем не менее, в архитектурно-пространственном решении Петровского и Екатеринбургского поселений имелись существенные различия, обусловленные как особенностями географического ландшафта, так и обстоятельствами самой застройки. В первом случае, как упоминалось выше, крепость бастионного типа являлась лишь планировочно-композиционным и военно-административным центром заводского ансамбля; во втором она стала «рамкой» для всей архитектоники объекта, его внешним каркасным элементом. Построенная на равнинной местности, крепость имела вид почти квадрата с протяженностью сторон в 655 м с севера на юг и в 763,83 м с запада на восток, обнимая

пространство приблизительно в 50 га. Крепость имела шесть бастионов и четыре полубастиона, окружавший ее ров (около 1,5 м глубиной и чуть более 4 м шириной по верху), палисад, с западной стороны врытый между рвом и земляным валом, а с восточной – поставленный на валу [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 1. Л. 14 об.].

При всей типовой ясности конструкции Екатеринбургской крепости она нуждается в новом прочтении, ином, чем то, которое обычно использовали историки и историки архитектуры. Почему В. И. Геннин решил строить на берегах Исети именно бастионную крепость? Сама необходимость ее возведения объяснялась потенциальной угрозой башкирских набегов, но для их отражения не требовались передовые военно-инженерные технологии в духе маршала Вобана. Бастионные крепости стали ответом на появление сильной полевой и осадной артиллерии; не случайно первые укрепления такого рода возникли на западных рубежах России уже в конце XVI в. как дополнения к традиционным башенным крепостям и получили свое полноценное развитие в начале XVIII в. в ходе Великой Северной войны [Скрипинская]. Но у башкир не было артиллерии, да и отношения с ними в период строительства Екатеринбургского складаывались вполне мирно. «Они ныне со мною очень союзно живут, – писал Геннин в 1724 г., – а прежнюю противность, что они делали, то может быть, что от наших управителей была им обида» [цит. по: Корепанов, с. 32]. Да и позднее никаких угроз Екатеринбургскому в этом отношении не возникало [Там же].

Конечно, никто не мог предвидеть, каким образом могла развиваться дальнейшая ситуация, но никакого *фортификационного* смысла возведения на Урале крепости бастионного типа не было. Для обороны завода в здешних условиях достаточно было традиционной для Урало-Сибирского региона острожной крепости, подобной тем, которыми был застроен весь край до Тихого океана. При изобилии леса и наличии опытных плотников строительство рубленой или частокольной стены с башнями обошлось бы не дороже и потребовало бы не большего времени и усилий. Значит, вопрос был не в фортификации или экономике, а в семиотике. Весь облик Екатеринбургского, начиная с крепости – первого, что представало взору внешнего наблюдателя, был нацелен на презентацию новой имперской идеи – торжества рационально организованной, «регулярной» реальности, воплощения новой «политической» нации во главе с просвещенным монархом, возникшей на границе азиатских владений империи в противопоставление самой природе, дикой и неупорядоченной. Презентационный смысл Екатеринбургской крепости подчеркивается деталями: единственный ее гласис с «покрытым путем» (боевым укрытым ходом) обводил лишь западный бастион, защищавший Красные ворота – *парадный въезд* в город. На западных же бастионах была сосредоточена и артиллерия – скорее тоже презентационно-«декоративная», представленная тремя малокалиберными орудиями: по одному трехфун-

товому на западном и северо-западном бастионах и одно двухфунтовое на северо-западном полубастионе. На остальных укреплениях, в том числе прикрывавших потенциально наиболее опасное южное направление, позиций для пушек, похоже, вообще не предусматривалось; опись показывает наличие «роскатов» (боевых ходов) с амбразурами для *ружейной стрельбы*, либо прорубленных в палисаде, либо прорезанных в земляных брустверах [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 1. Л. 14 об. – 18 об.] (рис. 2).

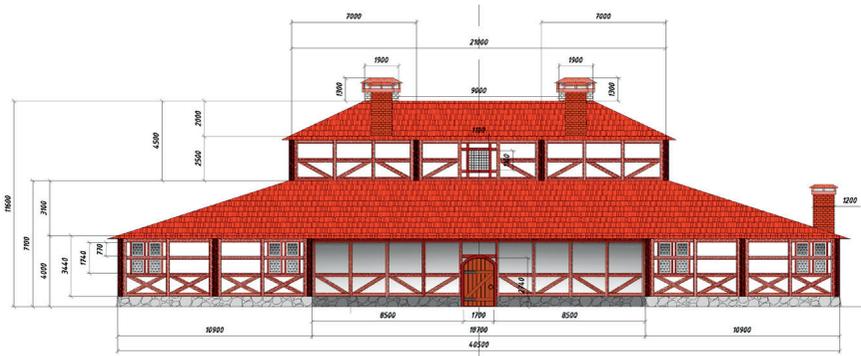
2. План Екатеринбурга. Фрагмент. Чертеж Н. Каркодинова. 1734

Plan of Yekaterinburg. Fragment. Drawing by N. Karkodinov. 1734

Планировочные оси Екатеринбурга, заданные пересечением почти под прямым углом русла реки Исети (с севера на юг) и гребня плотины (с запада на восток), являвшейся одновременно главным проспектом, «генеральной перспективой» от въездных Крас-

ных до выездных Исетских ворот, членили городское пространство на четыре правильных квартала. Сердцем этой планировки был производственный комплекс, сосредоточенный в низине, ниже плотины, вдоль русла Исети. Пространственное зонирование имело четко выраженную функциональную и социальную иерархию. В западной части архитектурной доминантой являлся административный комплекс, «мозг» города – здание Сибирского обер-бергамта с пристроенными к нему пробирной лабораторией, архивом и тюрьмой. В восточной части такой доминантой, «душой» города служила церковь во имя св. великомученицы Екатерины, построенная с явной оглядкой на Петропавловский собор Санкт-Петербурга и имевшая в шатре колокольни «часы боевые железные» с одной часовой стрелкой [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 172–179]. По внутреннему периметру крепостных стен и в северной части по обеим сторонам пруда располагались выстроенные в линии и порядки типовые жилища: дворы мастерские, командирские, подьяческие, церковничьи, солдатские.

Все эти вещи хорошо известны, чтобы о них много писать, но хотелось бы обратить внимание на некоторые детали. Все административные и производственные здания Екатеринбурга, а также церковь были выстроены в технологии фахверка. Обычно в специальной литературе, посвященной раннему Екатеринбургу, их называют сооружениями мазанкового типа. Действительно, конструктивно между мазанкой, хорошо известной в Южной России и на Украине, и фахверком практически нет различий. И то, и другое представляет собой каркасную деревянную или плетеную (флехтверк) конструкцию, в которой промежутки между брусьями каркаса заполняются кирпичом, глиной (саманом), камнем, а сверху штукатурятся или белятся. Разница заключается лишь в том, что в русской мазанке штукатурка и побелка наносятся заподлицо, закрывая не только забутовку (межкаркасное заполнение), но и элементы самого каркаса, а в фахверке каркас остается неоштукатуренным и акцентированным, выполняющим декоративную функцию контрастного фасадного узора. Это незначительное, на первый взгляд, различие в случае с Екатеринбургом также приобретает знаковое, семиотическое значение. С одной стороны, каркасная застройка была выбрана благодаря своей дешевизне и скорости возведения. Но, с другой, фахверковый тип такой застройки придавал общему облику города *европейский вид*, тем более, что таким образом были выстроены наиболее важные и зрительно выразительные сооружения. И административный комплекс («меж столбы мазанковая глиною ис кирпича и выбелена известью, а столбы у дверей и у окон наליшники высмолены с вохрою» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Т. 1. Л. 20]), и церковь («сложена меж деревянных столбов из кирпича и выбелена известью; столбы и у дверей, и у окон рамы высмолены смолою» с колокольней и главами, обитыми белой жостью [Там же. Л. 10]),

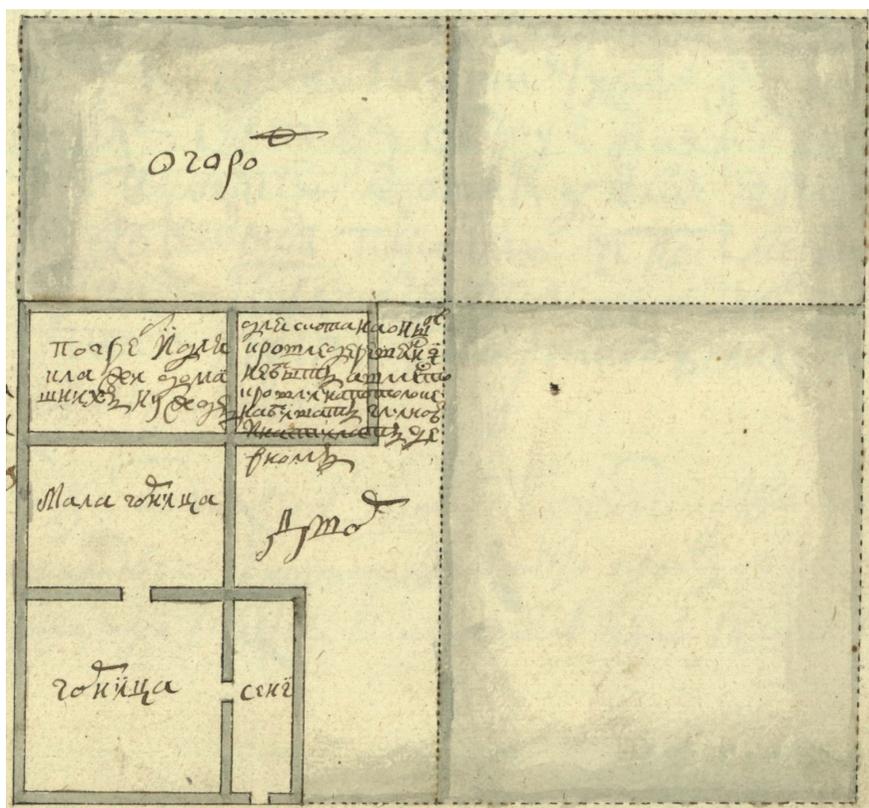
3. Доменная фабрика Екатеринбургского завода, 1723–1734 гг. Западный фасад. Реконструкция С. Цеменковой, К. Уланова, чертеж Э. Сайфутдиновой. 2021

Blast-furnace factory of the Yekaterinburg plant, 1723–1734. Western façade. Reconstruction by S. Tsemenkova, K. Ulanov, drawing by E. Sayfutdinova. 2021

и заводские фабрики (рис. 3) создавали облик Екатеринбурга настолько необычный и не похожий на все окружавшие его населенные пункты, что академик И. Г. Гмелин, первый раз посетивший его в 1733 г., записал: «Город правильно выстроен; дома на немецкий образец» [цит. по: Злоказов, Семенов, с. 21]. Этого «немецкого» образа города и добивался его строитель; в этом была та же семантическая нагрузка, что и в бастионной крепости.

Во всем этом снова очевиден пример Санкт-Петербурга, который с 1712 г. последовательно застраивался на принципах регулярности, ансамблевости и модульности, пользуясь градациями С. В. Семенцова, когда произошел переход «от традиционной русской нерегулярной планировки кварталов к регулярной, преимущественно прямоугольной «нарезке» кварталов, ставшей основой всего петербургского зодчества» [Семенцов, с. 66]. Конечно, имели место отступления, обусловленные естественными природно-климатическими различиями. Это касалось технологии и материалов жилой застройки Екатеринбурга, которая представляла собой не мазанковые, а срубные конструкции с учетом суровых зим, присущих Уралу того времени. Но, пожалуй, это было единственным отступлением. Жилая часть Екатеринбурга, как и в северной столице, сооружалась по образцу, с той же прямоугольной нарезкой кварталов и собственно дворовых территорий. Жилые «дворы», как казенные, построенные на государственный счет, так и частные, были типовыми. Судя по всему, они были близки разработанным Домиником Трезини типовым проектам домов «для подлых» жителей Петербурга. На сохранившемся собственноручном чертеже Геннина 1732 г. видно строение с сениями, двумя жилыми помещениями разных размеров («горница» и «малая горница»), погребом с напогребницей («для клажи домашних нужд») и скотным

сараям [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 295 об. –296] (рис. 4). К дому отводился небольшой участок под двор и огород. Главными фасадами дома выходили на «красную линию» основных улиц, а между огородными участками предполагались улицы второстепенные. «Командирские» дома, похоже, не сильно отличались от остальных. Ориентируясь на описание казенного дома, занимавшегося некогда берггешвореном Константином Гордеевым и выставленного на продажу в 1727 г., такие дома располагали четырьмя, а не двумя комнатами («строение о трех перерубах») [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 318 об.], что «недотягивало» даже до типового проекта Трезини «для зажиточных».

4. Образцовый дом в Екатеринбурге. Фрагмент. Чертеж В. Геннина, канцелярская копия. 1732

An exemplary house in Yekaterinburg. Fragment. Draft by W. Henning, office copy. 1732

Именно на этой почве – представлениях об оптимально налаженном быте, разных у создателя города и его жителей, – происходил конфликт стратегии и тактики, а ясный «город-панорама», создававшийся генералом Генниным в соответствии с передовыми представ-

лениями барочного планирования пространства и камералистскими установками организации общественных отношений на основе сорганизованности частей единого социального механизма, представлял как «картина, возможная лишь при условии забвения и нераспознавания практик» [де Серто, с. 187]. Екатеринбургские обитатели, практически лишенные частной жизни, будучи намертво связанными с заводским ритмом непрерывного производства, отчаянно пытались разрушить рациональный минимализм навязываемого им быта, внося в четкий текст геннинской прописи свои бесчисленные каракули. В первую очередь это касалось жилья. Вопреки образцам, оно достраивалось и перестраивалось, а дворовые и огородные места обрастали множеством разнообразных жилых и хозяйственных построек таким образом, что, «срастаясь» между собой, подворья разрушали геометрическую правильность улиц. Разумеется, В. И. Геннин вел с подобными беспорядками упорную и неустанную борьбу, о чем, в частности, довольно написано Н. С. Корепановым [см., например: Корепанов, с. 34–36], но был в ней, как кажется, одинок. Даже его офицеры предпочитали обустраивать свои жилые места не «противу чертежу», а как удобнее. Приведу в качестве примера описание уже упоминавшегося дома К. Гордеева. Пришедшие для проведения его оценочной стоимости ценовальники и плотники обнаружили, что, кроме собственно дома («квартиры») «строением о трех перерубах с сенни», «при той же квартире изба черная, рублена вместе з банею» с двумя кирпичными печами, «во дворе выкопан погреб, над ним клеть да конюшня, наверху сенница; огородец огорожен, как и у протчих квартир, в том огородец поварня небольшая ветхая» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 151. Л. 318 об.]. Наличие во дворе черной избы с баней, сенницы над конюшней и ветхой поварни на огороде являлось вопиющим нарушением не только принципов «регулярности, ансамблевости и модульности», но и всех мыслимых мер противопожарной безопасности, которым В. И. Геннин уделял самое серьезное внимание.

Впрочем, не следует считать главного командира Уральских и Сибирских заводов абсолютно бездушным функционером, слепо следовавшим букве им самим придуманного устава. Как неоднократно подчеркивалось, генерал Геннин был очень современен и безусловно вписывался в общеевропейский барочный контекст, стремившийся обеспечить достижение всеобщего блага и донести свои представления об этом до подчиненных, которых старался защищать от различных внешних нападений. В координатах его ценностей, созвучных передовым идеям эпохи, каждый на своем месте должен был самоотверженно исполнять свой долг. Его же «присяжная должность», помимо прочего, заключалась в создании условий для этого. Подобно благодетельному «полицейскому советнику» из записной книжки Петра I, Геннин был убежден, что его роль заключается, помимо непосредственных производственных забот, в том, «дабы подданные в покое и в довольстве жили, дабы города и поля дворами, мостами,

корчмами, улицами, колодцами снабжены, и дабы безбожные люди, гуляки к работе навывкали, и все дороги безопасны учинены были» [Законодательные акты, № 43]. С редким для русских провинциальных администраторов тщанием, почти в буквальном соответствии с инструкциями воеводе и земскому комиссару 1719 г. [ПСЗ, т. 5, 3294, 3295], Геннин пресекал должностные злоупотребления, боролся со взяточниками [Редин, с. 288–307; Серов, Федоров, с. 325–341], надзирал за устройством и поддержанием в порядке транспортных коммуникаций, покровительствовал торговле, следил за «справедливыми ценами», ограждал жителей от незаконных притязаний со стороны подчиненных ему чиновников⁸ и от тяжелой постоянной повинности⁹, организовал в Екатеринбурге беспрецедентную для времени и места социальную инфраструктуру. Наличие школ, госпиталя с аптекой, значительного жилого фонда, выстроенного за казенный счет¹⁰, не только практически не имело аналогов за пределами столиц, но и находило прямое отражение в архитектурном облике города.

Завод на Исети, названный к моменту своего пуска Екатеринбургом, мыслился своим основателем генералом В. И. Генниным не просто образцовым крупнейшим производственным предприятием. Для него это строительство стало воплощением большой идеи, результатом переосмысленного опыта прожитых лет, *идеальным городом*, олицетворявшим пафос имперского созидания Петровской эпохи. В строительстве Екатеринбурга эстетика и идеология барокко, его концепция города как рационально упорядоченного целого, нашла гармоничное сочетание с представлениями о правильно организованном регулярном управлении и правильном поведении всех членов общества, действовавших слаженно и согласно ради достижения общей цели, что являлось производным от общих свойств философских идей европейского Просвещения. Жители Екатеринбурга были далеки от подобных рефлексий. Они писали свой текст неосознанно, *реактивно*, ускользая от тотализирующего контроля пространственной упорядоченности регулярной и типовой планировки в беспорядочный мир уютного самостроя, от регламентирующей власти «благодетельной полиции» и изнурительного производственного цикла

⁸ «...Уведомился я, что у здешних... жителей, лавошников и бобылей, также у шарташских, и становских (которые поселены для ползы завоцкой), и обретающихся здесь мастеровых и работных людей и протчих служителей, коих для того надлежит беречь и излишнюю тягость им не наносить, много стало быть командиров, и всяк оных высылает якобы в завоцкие работы... Того ради впредь никому оных жителей... без ведома моего или обер-бергамского члена нарезать не в какие работы и высылать не велеть...» (14 июня 1732 г.) [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 205].

⁹ Для освобождения екатеринбургских жителей от постоев В. И. Геннин в том же указе от 14 июня 1732 г. распорядился перестроить «порозжие» казенные квартиры в некое подобие постоялых дворов или общежитий, перегородив «большие светлицы» перегородками, «чтоб у каждого был свой покой», «приделав нужники», устроив «каждому сверху по чулану» и соорудив общую кухню [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 354. Л. 205 об.].

¹⁰ В 1725 г. в Екатеринбурге насчитывалось 135 собственных и 69 казенных домов, в 1732 г. – 180 и 86 соответственно [Корепанов, с. 34, 36].

в забытьё подпольных шинков и «курвяжных домов», предпочитая загулы воскресного пьянства церковной литургии [Корепанов, с. 45–46]. Но в этих противоречиях, доходящих до парадокса¹¹, в наложениях нормативного и нерегламентированного, текст Екатеринбургского манифеста, материального воплощения камерализма, написанный генералом Генниным, оставался вполне разборчиво читаемым.

Список литературы

Берх В. Н. Жизнеописание генерал-лейтенанта Г. В. де Геннина, основателя российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 1–5.

Биази П.-М. де. К науке о литературе : Анализ рукописей и генезис произведения / пер. с фр. Е. Дмитриевой // Генетическая критика во Франции. Антология. М. : ОГИ, 1999. С. 58–93.

Всеобщая история архитектуры : в 12 т. М. ; Л. : Стройиздат, 1966–1977. Т. 7. Западная Европа и Латинская Америка. XVII – первая половина XIX в. 620 с.

ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 1. Д. 151, 354, 450. Т. 1.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : в 15 т. 2-е изд. М. : Тип. Николая Степанова, 1838. Т. 8. 502, X с.

Горбатенко С. Б. Новый Амстердам : Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. СПб. : Печатный двор, 2003. 367 с.

Данков М. Ю. Защитный вал и Петровская фортеция на берегу Онежского озера // Новые материалы по фортификации. Архангельск : Новодвинка, 2006. Вып. 2. С. 66–77.

Данков М. Ю. Загадочная «фортеция» на Онежском озере и чертеж М. Витвера первой четверти XVIII века // Война и оружие : Новые исследования и материалы : в 4 ч. СПб. : ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 2. С. 3–24.

Законодательные акты Петра I : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники : сб. док. : в 3 т. / сост. Н. А. Воскресенский ; отв. ред. Е. В. Анисимов ; предисл. и подг. текста Д. О. Серова ; археограф. предисл. А. А. Богданова. М. : Древлехранилище, 2020. Т. 2. Акты об общественных классах. Т. 3. Акты о промышленности и торговле. 848 с.

Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург : Город глазами очевидцев. Екатеринбург : [Б. и.], 2000. 698 с.

Козинец Л. А. Каменная летопись города. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1989. 160 с.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1783 гг.). 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : БКИ, 2001. 252 с.

Кузнецов И. Н., Новохатко О. В., Шахов А. Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславы-Залесского в XVII веке. М. : Памятники ист. мысли, 2014. 584 с.

Литошенко Д. Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков. Университетский опыт образовательной метатрадиции на заре Нового времени. Saarbrücken : Lambert Acad. Publ., 2012. 374 с.

Лотарева Р. М. Города-заводы России : XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1993. 216 с.

Новиков И. А. Вилим де Геннин и его роль в создании горнозаводской промышленности России (первая половина XVIII в.) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2 (9). С. 84–87.

Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1725 г. : в 2 вып. / сост. А. Викторов. М. : Тип. М. П. Щепкина, 1883. Вып. 2. 660 с.

¹¹ «Несмотря на суровость и аскетизм, Екатеринбург Геннина – город беспечный и бесстрашный» [Корепанов, с. 44].

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5.

Пулькин М. В. Феномен горнозаводского поселения (по материалам Олонецких Петровских заводов) // *Studia Humanitatis* : электрон. науч. журн. : [сайт]. 2018. № 2. DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004. URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskih-zavodov> (дата обращения: 21.07.2021).

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.

Семенцов С. В. Градостроительная составляющая жилой функции Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской агломерации : 1703–2006 гг. // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2*. 2007. Вып. 3. С. 63–70.

Серов Д. О. «Вечером из русского лагеря прибыл... майор»: первые 34 года жизни Вилима Геннина // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 801–817. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. М. : Юрист, 2016. 364 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Скрипчинская Н. Ю. Бастионная система крепостей Северо-Западного региона России в свете европейской фортификации : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2017. 565 с.

Станюкович-Денисова Е. Ю. Архитектура домов 1720–1740-х годов на набережных каналах Адмиралтейской части: к вопросу о градостроительных принципах Петербурга // «Мощно, велико ты было, столетье!» : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во Ин-та истории СПбГУ, 2014. С. 120–135.

Успенский Б. А. Царь и Бог // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 3 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 110–218.

References

Berkh, V. N. (1826). Zhizneopisanie general-leitenanta G. V. de Gennina, osnovatelya rossiiskikh gornyx zavodov [A Biography of Lieutenant General G. V. de Henning, Founder of Russian Mining Plants]. In *Gornyi zhurnal*. Kn. 1–5.

Biasi, P.-M. de. (1999). K nauke o literature. Analiz rukopisei i genezis proizvedeniya [Towards a Science of Literature. Manuscript Analysis and the Genesis of the Work] / transl. by E. Dmitrieva. In *Geneticheskaya kritika vo Frantsii. Antologiya*. Moscow, OGI, pp. 58–93.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat'* [The Practice of Everyday Life. 1. The Art of Making] / transl. by D. Kalugin, N. Movnina. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 330 p.

Dankov, M. Yu. (2006). Zashchitnyi val i Petrovskaya fortetsiya na beregu Onezhskogo ozera [The Protective Rampart and Petrovskaya Fort on the Shore of Lake Onega]. In *Novye materialy po fortifikatsii*. Arkhangel'sk, Novodvinka. Iss. 2, pp. 66–77.

Dankov, M. Yu. (2013). Zagadochnaya “fortetsiya” na Onezhskom ozere i chertezh M. Vitvera pervoi chetverti XVIII veka [The Mysterious “Fortress” on Lake Onega and the Drawing of M. Wittwer from the First Quarter of the 18th Century]. In *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy v 4 ch.* St Petersburg, Voenno-istoricheskii muzei artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi. Part 2, pp. 3–24.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24 (Ural'skoe gornoe upravlenie). List 1. Dos. 151, 354, 450. Vol. 1.

Golikov, I. I. (1838). *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennye po godam v 15 t.* [The Acts of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year. 15 Vols.]. 2nd Ed. Moscow, Tipografiya Nikolaya Stepanova. Vol. 8. 502, X p.

Gorbatenko, S. B. (2003). *Novyi Amsterdam. Sankt-Peterburg i arkhitekturnye obrazy Niderlandov* [New Amsterdam. St Petersburg and the Architectural Images of the Netherlands]. St Petersburg, Pechatnyi dvor. 367 p.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1783 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1783)]. 3rd Ed., add. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 252 p.

Kozinets, L. A. (1989). *Kamennaya letopis' goroda* [A Stone Chronicle of the City]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p.

Kuznetsov, I. N., Novokhatko, O. V., Shakhov, A. D. (2014). *Svetское ustroistvo i arkhitekturnoe blagoustroistvo Pereslavl-Zalesskogo v XVII veke* [The Secular Structure and Architectural Improvement of Pereslavl-Zalessky in the 17th Century]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli. 584 p.

Litoshenko, D. (2012). *Evolutsiya universitetskogo obrazovaniya v Evrope XVI – kontsa XVIII vekov. Universitetskii opyt obrazovatel'noi metatraditsii na zare Novogo vremeni* [The Evolution of University Education in Europe of the 16th – Late 18th Centuries. The University Experience of Educational Meta-Tradition at the Dawn of Modern Times]. Saarbrücken, Lambert Acad. Publ. 374 p.

Lotareva, R. M. (1993). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Cities of Russia. 18th – First Half of the 19th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 216 p.

Novikov, I. A. (2008). Vilim de Gennin i ego rol' v sozdanii gornozavodskoi promyshlennosti Rossii (pervaya polovina XVIII v.) [Wilim de Henning and His Role in the Creation of the Mining Industry in Russia (First Half of the 18th Century)]. In *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. No. 2 (9), pp. 84–87.

PSZ [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 5.

Pul'kin, M. V. (2018). Fenomen gornozavodskogo poseleniya (po materialam Olonetskikh Petrovskikh zavodov) [The Phenomenon of the Mining Settlement (Based on the Materials of the Olonets Petrovsky Factories)]. In *Studia Humanitatis. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. DOI 10.24411/2308-8079-2018-00004. URL: <http://st-hum.ru/content/pulkin-mv-fenomen-gornozavodskogo-poseleniya-po-materialam-oloneckih-petrovskikh-zavodov> (accessed: 21.07.2021).

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uезdy Sibirskoi gubernii v 1711–1727 gg.)* [Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Era of Peter the Great's Reforms (Western Districts of Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg, Volot. 608 p.

Sementsov, S. V. (2007). Gradostroitel'naya sostavlyayushchaya zhiloi funktsii Sankt-Peterburga i Sankt-Peterburgskoi aglomeratsii. 1703–2006 gg. [The Urban Planning Component of the Residential Function of St Petersburg and the St Petersburg Agglomeration. 1703–2006]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 2. Iss. 3, pp. 63–70.

Serov, D. O. (2019). “Veчерom iz russkogo lagerya pribyl... maior”: pervye 34 goda zhizni Vilima Gennina [“In the Evening ... a Major Arrived from the Russian Camp”: The First 34 Years of Wilim Gennin's Life]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No 3, pp. 801–1017. DOI 10.15826/qr.2019.3.409.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (2016). *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [The Cases and Fates of the Investigators of Peter I]. Moscow, Yurist. 364 p.

Skipinskaya, N. Yu. (2017). *Bastionnaya sistema krepostei Severo-Zapadnogo regiona Rossii v svete evropeiskoi fortifikatsii* [The Bastion System of Fortresses in the North-Western Region of Russia in the Light of European Fortification]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 565 p.

Sanyukovich-Denisova, E. Yu. (2014). Arkhitektura domov 1720–1740-kh godov na naberezhnykh kanalakh Admiralteiskoi chasti: k voprosu o gradostroitel'nykh printsipakh Peterburga [House Architecture of the 1720s –1740s on the Embankment Canals of the Admiralty Part: On the Question of the Urban Planning Principles of St Petersburg]. In *“Moshchno, veliko ty bylo, stolet'e!”*. *Sbornik nauchnykh statei*. St Petersburg, Izdatel'stvo Instituta istorii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 120–135.

Uspenskii, B. A. (1994). Tsar' i Bog [Tsar and God]. In Uspenskii, B. A. *Izbrannye trudy v 3 t.* Moscow, Gnozis. Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury, pp. 110–218.

Viktorov, A. (Ed.). (1883). *Opisanie zapisnykh knig i bumag starinnykh dvortsovykh prikazov 1613–1725 g. v 2 vyp.* [Description of the Notebooks and Documents of the Ancient Palace Chancelleries (*Prikazes*) of 1613–1725. 2 Issues]. Moscow, Tipografiya M. P. Shchepkina. Iss. 2. 660 p.

Voskresenskii, N. A., Anisimov, E. V. (Eds.). (2020). *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. Sbornik dokumentov v 3 t.* [Legislative Acts of Peter I. Versions and Drafts, Notes, Reports, Denunciations, Petitions, and Foreign Sources. Collection of Documents. 3 Vols.] / introd. by D. O. Serov, archival introd. by A. A. Bogdanov. Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 2. Akty ob obshchestvennykh klassakh. Vol. 3. Akty o promyshlennosti i trgovli. 848 p.

Vseobshchaya istoriya arkhitektury v 12 t. [A General History of Architecture. 12 Vols.]. (1966–1977). Moscow, Leningrad, Stroiizdat. Vol. 7. Zapadnaya Evropa i Latinskaya Amerika. XVII – pervaya polovina XIX v. 620 p.

Zlokazov, L. D., Semenov, V. B. (2000). *Staryi Ekaterinburg. Gorod glazami ochevidtsev* [Old Yekaterinburg. The City through the Eyes of Eyewitnesses]. Yekaterinburg, S. n. 698 p.

The article was submitted on 17.07.2021